

О «внешней» обусловленности словников областных словарей

Лингвистическое источниковедение позволяет включать в круг лингвистических источников не только памятники письменности или записи народной речи, но и сами лингвистические исследования, связанные с разработкой конкретной научной темы, проблемы. Эти источники определяются как вторичные источники с заданными свойствами¹.

Группу подобных источников образуют областные словари, обыкновенно создаваемые в наше время по той или иной программе. Тип их заранее обдуман и задан; отсюда и языковой материал (картотека), на основе которого составляется тот или иной словарь, тоже как бы запрограммирован исследователем, является следствием его лингвистических задач. Со временем эти картотеки становятся предметом исследования и служат выполнению задач, нередко более значительных, чем первоначальные².

Составленные в последние десятилетия региональные словари, даже лучшие из них, остаются в основном словарями картотек, обыкновенно отражая только то, что уже зафиксировано в картотеке, не более. Роль составителя здесь сводится скорее к роли исследователя, занимающего лишь стороннюю позицию к объекту своего наблюдения (подробнее см. ниже).

¹ См. С. И. Котков. О предмете лингвистического источниковедения. «Источниковедение как история русского языка». М., 1964, стр. 8.

² С. И. Котков. О лингвистических источниках с заданной информацией и некоторых других. «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка». М., 1967, стр. 5—6.

Как известно, вопрос о формировании словников подвергся очень широкому обсуждению в конце 50-х годов, когда работа по созданию современных областных словарей была еще в начальной стадии. Главные споры были сосредоточены прежде всего вокруг вопроса: быть ли современному диалектному словарю полным или дифференциальным, т. е. включать ли в состав словника всю лексику и семантику говора (говоров) или только ту ее часть, которая отличает диалект от нормализованного литературного языка. Выход в свет многих из задуманных словарей в истекшем десятилетии³, широкое обсуждение их и, главное, сам опыт проделанной работы позволяют внести коррективы как в понимание проблемы дифференциальности, так и наметить новые аспекты при обсуждении словника областного словаря как источника с заданными свойствами. Ниже мы постараемся раскрыть заданность словников в некоторых словарях, оперируя преимущественно пластом предметно-номинативной лексики.

Имея в виду практическую неосуществимость полных диалектологических словарей (особенно для говоров больших территорий), многие исследователи вводят в понимание проблемы дифференциальности некоторые коррективы. Так, Ф. П. Филин и многие исследователи из коллектива СРНГ разграничивают диалектологические словари, всегда дифференциальные, и словари диалектов, словник которых организуется по системным признакам различ-

³ «Словарь русских народных говоров», вып. 1—9. М.—Л., 1965—1972 (далее — СРНГ); «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», т. I—III. Томск, 1964—1967; Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961; В. Н. Немченко, А. И. Силица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963; «Словарь русских говоров южных районов Красноярского края». Красноярск, 1968; «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области)». М., 1969 (далее — Деулинский словарь); «Словарь русских говоров Среднего Урала», т. I—II. Свердловск, 1964—1971; «Псковский областной словарь», вып. 1. Л., 1967; вып. 2. Л., 1973; А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969; Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972; «Словарь говоров Соликамского района Пермской области». Под ред. Е. А. Голушковой. Пермь, 1973; П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.

ного порядка ⁴. Близка к этому точка зрения Г. Г. Мельниченко, который, констатируя неизбежную неполноту диалектных словарей, предлагает терминологически противопоставлять не полный и дифференциальный диалектный словарь, как было принято до него, а недифференциальный и дифференциальный диалектный словарь ⁵. В таком уточнении есть глубокий практический смысл.

Состав всякого словаря, как особого вида описания лексики, образуют две стороны его: лексикографируемый материал (объект описания) и аппарат описания. Первый существует объективно, аппарат же описания, напротив, связан с исследователем, с теми принципами и установками, которые он сам принимает для описания стоящего перед ним материала.

Лингвистическая информация в диалектном толковом словаре содержится не только в словнике, но и в иллюстративном материале, ибо он не просто подтверждает языковое употребление определяемого слова, а наглядно демонстрирует своеобразие языкового бытования слова, как принадлежащего определенной диалектной лексической системе. Совокупность словника и иллюстративного диалектного материала в региональном словаре составляет собственно лингвистический текст его, который способен сыграть самостоятельную роль, подчас не связанную с тем описанием, которое ему соответствует при определениях. Свообразие текста диалектного словаря с заданными свойствами проявляется еще и в том, что он весь, так сказать, конструируется исследователем. И от того, какую программу намечает себе исследователь, как организуется работа для выполнения этой программы, каковы квалификационные возможности исполнителей работы, сроки и т. п., другими словами—какова его заданность, будет зависеть и результат.

Если изучать диалектные словари под определенным углом зрения, то эта заданность обнаруживается. В настоящей статье нашему вниманию подвергаются некоторые сферы предметно-номинативной лексики. Вопросы, связанные с включением предметно-номинативной лексики,

⁴ Ф. П. Филин. Некоторые проблемы диалектной лексикографии. «Изв. ОЛЯ АН СССР», 1966, № 1, стр. 6.

⁵ Г. Г. Мельниченко. Новый региональный словарь. [А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья]. — РЯШ, 1971, 6, стр. 109.

естественно, соприкасаются с тематической (идеографической) характеристикой словников современных региональных словарей.

Прямолинейное отражение реальной жизни в словарном запасе любого естественного языка позволяет рассматривать лексическую систему как совокупность тем, идей, понятий, составляющую все материальное и духовное многообразие объективной действительности. В тематической соотнесенности слов отражается неодинаковое по местностям членение внеязыковой действительности. Каждый словарь является собранием определенных идей, тем, внутренне между собой сопоставленных, идеографическую организованность которых, однако, разрушает алфавитный порядок подачи слов⁶. В принципе, чем обширнее словник словаря, тем больше он воспроизведет тем (идей) реальности. В словнике диалектного словаря также систематизируется и группируется тематическое (идеографическое) содержание внеязыковой действительности. Но в отличие от словарей литературного языка, региональные словари имеют свою существенную специфику.

Во-первых, словники большинства региональных словарей формируются в сопоставлении со словарным запасом общелитературного языка. В результате дифференциального отбора лексики в областной словарь все они, начиная от большинства дореволюционных словарей и словариков, являют собой сборники редких, экзотических слов, отсутствующих в литературном языке. Фрагментарность словника в таких случаях естественно соответствует и фрагментарности идеографического отражения действительности. Исключение составляет словарь В. И. Даля. В основе его лежит народный язык вообще, словник его огромен — больше 200 тысяч слов (ср.: 17-томный академический словарь содержит 128 тысяч слов), таким образом, словарь Даля — самый обширный словарь из всех имеющихся толковых словарей русского языка. Полнота словника логически предопределяет отно-

⁶ Акад. И. А. Гулянов, задаваясь мыслью создать идеографический словарь русского языка, называл алфавитный порядок расположения слов в словаре «произволом азбучного беспорядка», см.: *И. А. Гулянов. Речь об образовании и существе языков*. СПб., 1821, стр. 19—20. [Цит. по кн.: *В. В. Морковкина. Идеографические словари*. М., 1970, стр. 11].

сительную полноту внеязыкового содержания, его тематики. Как хорошо известно, в словаре В. И. Даля особенно щедро представлены этнографические сведения, что, по мнению некоторых современных лингвистов, умаляет чисто филологические достоинства его ⁷.

Во-вторых, организация картотек, т. е. прежде всего сбор языкового материала для региональных словарей, в отличие от картотек словарей литературного языка, осуществляется в большинстве случаев вне контроля такого совершенного аппарата, каким является языковое сознание и языковой опыт самого составителя (включение этого контроля возможно лишь в тех редких и счастливых случаях, когда обследуемый говор является родным для наблюдателя). Поэтому в региональном словаре возможен не только пропуск одного, но и многих слов и даже целых групп слов в отличие от словарей литературного языка, где такой пропуск может быть лишь случайностью. Между тем созданию картотек можно придать вполне целенаправленный характер. Цели эти в принципе могут быть самыми различными, в том числе и в отношении фиксации тематически-детерминированной лексики.

Вниманием к максимально полной фиксации диалектной лексики в тематическом отношении (здесь имеется в виду охват этих тем и вширь, и вглубь) был отмечен начальный этап работы по созданию современных диалектных словарей (середина 50-х годов).

На VI Всесоюзном диалектологическом совещании (1956 г.) было принято решение подготовить пособие для диалектологов-лексикографов. В тематической части будущего пособия ставилась цель направлять течение беседы наблюдателя диалекта с информантами в экспедициях с таким расчетом, чтобы собрать материал по возможности исчерпывающий. Авторский коллектив пособия составил картотеку понятий, выраженных местными словами, взяв за основу для нее словарь В. Даля. Этот словарь, кроме величины и всеобъемлемости словника, имеет и другое достоинство: он менее других областных словарей связан с каким-либо одним определенным наречием русского языка, с какой-либо одной определенной ди-

⁷ См. предисловие А. М. Бабкина к «Толковому словарю» В. И. Даля (1955, стр. VIII).

алектной зоной. Понятийные рубрики пособия снабжены диалектными словами-иллюстрациями, своеобразными локальными ориентирами. Все это помогало авторам пособия ориентировать будущих наблюдателей в их работе по сбору лексических и семантических диалектизмов в полевых условиях. При распределении авторской работы над пособием учитывались склонности и личный опыт его авторов в тематическом изучении диалектной лексики; в ряде случаев это расширило понятийно-тематическое членение, вытекавшее из словаря В. И. Даля (таковы материалы В. В. Палагиной, М. И. Литвинова, Н. М. Малечи). Проект пособия включал и коллективный опыт: он неоднократно обсуждался и в авторском коллективе, и на всесоюзных диалектологических совещаниях. В 1960 г. оно вышло в свет ⁸.

Тематическая разработка пособия-инструкции сыграла свою положительную роль при подготовке областных словарей, работа над которыми на разных этапах шла в то время. Теперь, когда многие словари уже вышли в свет, можно констатировать, что полнота и рациональность тематического обследования диалектной лексики в разных изданиях реализованы по-разному. Остановимся на некоторых из них.

«Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», строго дифференциальный по принципу отбора слов, наиболее последовательно воплотил те требования, которые были разработаны в пособии-инструкции. В соответствии с методическими установками пособия-инструкции в этом словаре было оптимально организовано идеографическое обследование лексического запаса говоров лексикографируемой территории. Словарные статьи составлялись, как сказано об этом во введении к словарю, в соответствии с научными интересами авторов ⁹. Плодотворность такого организационного приема предопределена параллелизмом научных интересов каж-

⁸ Идеографическое членение внеязыкового материала см. в «Пособии-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка» (М., 1960).

⁹ Подробные библиографические сведения см.: В. В. Палагина. Изучение русских народных говоров территории Томской области (краткий обзор и библиография). «Труды Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева», 1968, т. 197.

дого из составителей словаря и его авторской нагрузкой в разработке словарных статей.

Углубленное проникновение авторов-составителей в системно-тематическую сторону описываемой лексики (для непредметной лексики — в грамматико-морфологическую) и при этом опора на исследование соответствующей лингвистической проблемы в целом, как хорошо известно лексикографам, не всегда диктуется словарным жанром и не всегда находит непосредственное выражение в словнике словаря. Тем не менее весь языковой материал словаря (словник, толкование и текстовые иллюстрации), созданный на такой теоретической и методологической основе, трудно переоценить, особенно для тематического изучения диалектной лексики. Именно это и имелось в виду в рецензии диалектологов-сибиряков, назвавших Обский словарь «одним из лучших региональных словарей, незаменимым пособием для исследователей русских говоров Сибири»¹⁰.

Тематическое распределение авторской работы осуществляется и при составлении «Словаря русских говоров среднего Урала»; при этом распределение составительской нагрузки в словаре нередко сопровождается параллелизмом научных интересов, выраженном в индивидуальных публикациях у отдельных участников авторского коллектива словаря (ср. статьи А. М. Пашковского, В. Ф. Житникова, К. И. Демидовой, В. Н. Светловой и др.).

Отмеченный в печати энциклопедизм в толкованиях предметно-номинативной лексики и есть положительный результат такой организации работы¹¹. Однако в последнее время можно наблюдать ослабление интереса к тематической лексике и полноте ее помещения в диалектных словарях. Пример филологических словарей литературного языка, где прослеживаются системные связи слова, невольно распространяется и на описание диалектной лексики. Между тем в фиксации предметной лексики есть большая потребность как для исследований по исто-

¹⁰ М. М. Власенко, Э. И. Носова, М. А. Серышева. [Рец.] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, Под. ред. В. В. Палагиной. — ВЯ, 1968, № 5.

¹¹ В. Я. Дерягин [Рец.] Словарь сибирских старожильческих говоров. «Изв. ОЛЯ АН СССР», 1969, вып. 1. стр. 82.

рии языка, так и для ареальных исследований, дающих свою неизменную проекцию в историю материальной культуры и, следовательно, в историю самого народа. Общеизвестно, что эта лексика богато представлена в до-революционных изданиях такого типа, составленных в своем большинстве истинными знатоками местных условий жизни и быта, природы и хозяйствования. Знания эти уникальны и являются для современных лексикографов подчас непревзойденным образцом. Поэтому появляющееся иногда нигилистическое отношение к этим источникам и к преимущественной демонстрации в них предметно-тематической лексики можно считать как недоразумение, временное заблуждение¹². С нашей точки зрения, напротив, надо расширять и углублять познания будущих составителей областных словарей в тематически-специализированных сферах местной жизни, конкретизировать методику наблюдения и фиксации этой лексики.

В наши дни, когда смена предметного фонда в деревне проходит необычайно интенсивно, регистрация ранее неизвестных слов, за которыми стоят предметы реальной жизни, жизни в каких-то звеньях уже уходящей, приобретает в некотором роде вид научных открытий. И чем больше будет таких слов-открытий в областном словаре, тем выше истинная ценность его¹³.

Деулинский словарь вышел в свет в 1969 г. и широко обсуждался научной общественностью¹⁴. Однако при

¹² В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. Изучение диалектной лексики. «Лексикографический сборник», вып. II. М., 1957, стр. 31.

¹³ Примером такой находки является слово *обла́за* в Красноярском областном словаре (1968 г.). •Значение его 'обход, окольная дорога по горе' не отмечалось до этого в словарях русского языка, хотя оно широко известно другим славянским языкам и диалектам. См.: Г. П. Клепикова. Из карпатоукраинской терминологии горного ландшафта. «Вопросы географии», т. 81. Местные географические термины. М., 1970, стр. 64—66.

¹⁴ В. В. Палагина. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области). — РЯШ, 1970, № 5; Л. А. Ивашко и О. С. Мжельская. Словарь говора д. Деулино. «Вестник Ленинградского ун-та», 1971, № 2, вып. 1; Ф. П. Сороколетов. Словарь современного русского народного говора. — ВЯ, 1971, № 2; Анатолий Стреляный. Так говорят в д. Деулине. «Журналист», 1971, № 1; N. Jwanowa-Perczyńska. Словарь современного русского народного говора. *Poradnik językowy*. Warszawa, 1971, N 1; Josef Skulina. Pozoruhodny lexikalni prispeven v oblasti ruske dialektologie. «Slovo a slovesnost», 1971, roc. XXXII.

всем вниманию к самым различным лексикологическим и лексикографическим аспектам Деулинского словаря, об идеографическом содержании его словника не говорилось почти ничего. Интерес к предметной лексике, научная потребность в словах-номинациях, за которыми стоят многообразные в идеографическом отношении реалии, живо проявился в широкий дискуссии, посвященной Деулинскому словарю на конференции в Череповце весной 1970 г.¹⁵ Критические замечания в адрес этого словаря прежде всего и отражали ту неудовлетворенность, которую испытывают отдельные исследователи-специалисты по конкретным предметно-тематическим пластам диалектной лексики (названия рыб — А. С. Герд, названия лодок — А. К. Матвеев, астрономическая лексика — Н. В. Попова, специфические названия, связанные с деревенским бытом, — В. Я. Дерягин). В связи с этим был поднят вопрос о создании новых углубленных тематических программ, отражающих совершенное владение данным предметом-темой.

Однако обусловленность состава словника определяется не только совершенством программы-пособия. Покажем это на примере работы по Деулинскому словарю. Этот словарь, по первоначальному замыслу его составителей, должен был быть чисто дифференциальным областным словарем. Лишь в процессе составления словарных статей для демонстрации полноты семантической картины в многозначных словах, бытующих и в деулинском говоре, и в литературном языке, в структуру статьи для семантических диалектизмов за первым номером вводились значения, вмещающие в себя одно или несколько номинативных значений, совпадающих со значениями этих слов в литературном языке. В результате Деулинский словарь отошел от типа собственно дифференциального диалектного словаря в направлении к полному, но так и не совпал с последним до конца¹⁶, так как в словарь не вошли те из лексических звеньев тематических групп, которые совпали с литературным языком (ср., к примеру, не представленные самостоятельными статьями названия рыб,

¹⁵ См. хроникальные отчеты об этом совещании — В. М. Мокшенок. (ВЯ, 1971, № 1), Ю. И. Чайкина, Л. П. Михайлова (НДВШ, Филологические науки, 1971, № 1).

¹⁶ И в этом отношении рецензенты Деулинского словаря правильно его поняли (см. Ф. П. Сороколетов. Указ. соч., стр. 137).

встречающиеся в иллюстративном материале на словарные статьи *косы́рка, косы́рочка, щурбк*).

Как же велась работа по тематическому охвату лексики коллективом составителей Деулинского словаря?

Частичный ответ на этот вопрос можно найти в уже опубликованных статьях¹⁷.

Пособие-инструкция, о котором шла речь выше, сыграло свою положительную роль в экспедиционный период работы над Деулинским словарем. Однако теперь, по отдалении времени, можно заметить, что «произвол азбучного беспорядка» нанес известный ущерб именно тематической интерпретации лексики. Как явствует из предисловия, составительская работа в Деулинском словаре была распределена по алфавиту. Это не совпадало с тематическим изучением словарного материала в период сбора его. Другими словами, в общем объеме работы каждого автора-составителя не был соблюден параллелизм между экспедиционным и составительским заданием. Вследствие этого приобретенные в экспедиционный период работы (а это, как правило, сопровождалось изучением и этнографической литературы) предметно-тематические знания, не использовались в полную меру на решающем этапе — составлении словарных статей (исключение составила ботаническая лексика). Опыт составления Деулинского словаря, сравнение его с другими словарями, показывает, что предметно-тематическая лексика может быть оптимально представлена в диалектном словаре тогда, когда отдельные группы ее изучаются одними и теми же лицами как в период фиксации в диалекте, так и в период составления словаря. К сожалению, следует признать, что в самом пособии-инструкции, во вводных разделах его, не содержалось этого важного методического разъяснения.

Сам процесс работы привел к изменению типа словаря. Из теоретических установок Деулинского словаря как словаря одного говора вытекал интерес к полисемии и синонимии, антонимии и лексико-фразеологической сочетаемости слов в диалектной речи, к словообразова-

¹⁷ И. А. Оссовецкий. Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области. «Вопросы диалектологии восточно-славянских языков». М., 1964; Т. С. Коготкова. Картотека словаря современного русского народного говора. «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка». М., 1967.

тельной деривации, т. е. ко всему тому, что в совокупности образует лексико-семантическую систему. Это невольно изменило приемы и методы сбора материала. Во всяком случае метод прямого опроса, продуктивный при сборе предметной лексики, стал и не единственным, и не главным. Основное, к чему стали стремиться составители Деулинского словаря при сборе диалектной лексики в Деулине, — органически включиться в языковое существование диалектного коллектива¹⁸.

Надо иметь в виду, что теория языкового существования возникла в японском языкознании как реакция на структурализм. Исходным пунктом теоретических основ языкового существования является учение о языковом акте, который определяется как социально-привычное действие человека, состоящее в выражении с помощью языковых знаков мыслей и чувств и в понимании и этого выражения¹⁹.

Эффективность этого метода была predeterminedена активно-действенным отношением ко всей жизни деулинцев, в контакты с которыми вступали составители словаря, проникновением во все сюжеты внеязыковой жизни, протекающей тут же на глазах наблюдателей. Тематика разговоров в Деулине при формировании словника была сосредоточена вокруг повседневно-бытовой жизни. В ней отражены жизненный и трудовой опыт информантов словаря; реальные бытовые и социальные факты, конкретные события, лица и под. Составители словаря при этих беседах стремились приобрести максимальную психологическую контактность. Вот почему подобный же метод изучения диалектной лексики позднее В. П. Тимофеевым был назван методом соучастия. Признавая достоинства термина В. П. Тимофеева, заключенные прежде всего в прозрачности его внутренней формы, мы тем не менее считаем более удачным термин «включение в языковое

¹⁸ Н. И. Конрад. О языковом существовании. «Японский лингвистический сборник». М., 1959, стр. 7. — Метод включения в языковое существование носителей диалекта получил название у И. А. Оссовецкого — метод сосуществования (И. А. Оссовецкий. Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области. «Вопросы диалектологии восточно-славянских языков». М., 1964, стр. 194). у В. П. Тимофеева — метод соучастия (В. П. Тимофеев. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971, стр. 7).

¹⁹ Н. И. Конрад, Указ. соч., стр. 7.

существование», ибо в нем выражается идея именно языкового контактирования.

Продолжительный срок пребывания в Деулине, небольшой, но лингвистически сработавшийся коллектив²⁰, определили создание такой языковой основы, на которой можно было составить словарь, отражающий сложные внутрисистемные отношения народной лексики²¹. Слово — главный объект наблюдений — оставалось в центре внимания наблюдателей до конца экспедиционного периода. Ср. такие свидетельства: «*Даска́ ѓла́д'ин'к'ийъ. . . уш: ско́къ рас спра́шывал'у. . . и йёнт'у* [члены предыдущей экспедиции] *спра́шивали: кака́йъ даска́ — ѓла́д'ин'к'ийъ. ил' касма́тъйъ* (стр. 129) [выясняются условия употребления слов *косматый* и *гладкий*].

Лингвистический эффект метода включения в языковое существование деулинского коллектива выражен в тексте словаря — его словнике и иллюстративном материале. Все рецензенты Деулинского словаря отмечают богатство, многообразие и полноту иллюстративного материала. Самостоятельная роль его может быть определена и в лингвистическом отношении (например, при изучении закономерностей разговорной речи), и в познавательном²².

В настоящей статье мы не ставим цели показать идеографическую группировку словника Деулинского словаря. Это особая и сложная задача, теоретическое воплощение которой не уступает трудоемкости практического выполнения. Здесь остановимся лишь на некоторых пластах лексики.

Высокая степень психологического контакта, доверительность в общении, особенно со своими основными информантами, позволяли составителям словаря вести беседы на личные и даже интимные темы. Именно это обстоятельство способствовало открытию некоторых тематических групп (или подгрупп) слов.

²⁰ Деулинский словарь — это пока единственный словарь из всех диалектных словарей русского языка, созданных в последние годы, в котором для сбора материала не привлекался никто, кроме его составителей, пробывших в Деулине 713 человеко-дней (Т. А. Барина — 104 дня, Т. С. Коготкова — 130, Е. А. Некрасова — 144, И. А. Осовецкий — 45, В. Б. Силина — 156, К. П. Смолина — 134 дня).

²¹ В. М. Мокшенок. Указ. соч.

²² А. Стреляный. Указ. соч., стр. 58.

Внимательное прочтение словника Деулинского словаря покажет, что лексика, связанная с обозначением человека, его физических и интеллектуально-психических особенностей, занимает в нем большое место²³. Среди этой обширной группы слов выделяется небольшая подгруппа, связанная с обозначением специфических особенностей женского организма. В словнике Обского словаря из слов этой тематической группы выявлено всего лишь одно — *детиться* 'рожать детей', в Красноярском словаре — ни одного, в «Диалектном словаре личности» В. П. Тимофеева — *принесті* 'родить' (указанное в идеографическом своде — *припучить* не подтверждено в основном тексте словаря).

Приведем по Деулинскому словарю всю названную группу слов: *водяник, временная, выгнать, добыть — добывать, забрюхатеть, закон — законовать, мыться, замываться — замыться, заневеститься, зародить, золотник, кровь, рl. тап. кровя, надьмы, отмыться, переймы, полодя, понесть, порожня, пустой, родильница, рожала, на рубяхе (на рубашке), рубяху (рубашку) снять, сносить, черево.*

Поскольку древность самой предметно-реальной основы, с которой соотносятся слова этой группы, не вызывает сомнений, они и обнаруживаются в Материалах для «Словаря древнерусского языка» и в картотеке ДРС. Ср.: *добыть* — Срезн. *дитл добыти* — 'прижить дитя'; также *сраму добыть* с кем-л.; ср. *Рекоша же братія к сестры своеи: повѣждь намъ, сестрица наша, аще с Амиролом царем сраму добыла еси, то мы отъимемъ главу его и отвеземъ въ грешну землю* (Девгениево деяние, XII—XIII в. Карт. ДРС); *закон* — Срезн., ДРС (см. ниже); *золотникъ* ДРС: *у тое жонки болѣзнь была в животѣ золотник подыметца к верху. . .* (Материалы для истории медицины в России, выш. III, 1645—1675 гг.), *забрюхатеть* — ДРС.

Не подвергавшиеся специально лингвистическому исследованию (по крайней мере, для русского языка) многие из слов этой группы отмечены в разных говорах русского языка. Отдельные из них характеризуются довольно широким (интердиалектным) ареалом распространения.

²³ Аналогично и в «Диалектном словаре личности» В. П. Тимофеева, методика сбора материала для которого была близка к деулинской.

Не случайно поэтому они находят широкий выход и в народно-медицинскую терминосферу: *временная* Даль, *Высоцк.*; *забрюхатеть* Даль, *золотник* Даль; влад., олонек., курск., вятск., череповецк., смол., вологодск., тюменск. (Картотека СРНГ); *крови* Даль, *Обск. словарь*; *понестъ* саратов., сиб., тамбовск., челяб., кокчетавск. (КСРНГ), пск. (КПОС), *родильница* свердл., ветлужск., вологодск. (КСРНГ), *рубаха*, *рубашечное* Даль; *сносить* Даль.

По характеру образования в отдельных словах ярко выразился семантический способ терминотворчества²⁴: *надымы*: *надыматися* — 'вздуться, напрягаться' — Срезн.; *надыми*, *надымный снег* 'сугробы рыхлого снега' — Герасим., череповецк.; *переймы* 'перехват кого, чего поперек пути его' — *живот переняло*, *живот болит*, *схватывает* — влад. *Уже ее (родильницу) перенимало, и потуги были, а еще господь не простил* (не помиловал и не опростал) — Даль; 'две жерди, вложенные поперек прогона' — вологодск.; 'перешеек между двумя озерами' — онежск.; 'род плотины для ловли рыбы' — арх. астрах.; 'пролив между двумя озерами', 'перешеек, связывающий материк с полуостровом' — Мезень; *перейма*, *переменная веревка* — 'веревка в рыболовной снасти' — пск., *переймы* — 'схватки во время родов' — енисейск. (СРНГ); *полодá* — 'распушка', 'стреха на скирде' — орл.; 'стена овина плетневая, утыканная и ухиченная соломой' — влд.; 'свес соломенной крыши', 'стреха', 'навес гумна', 'крыша овина'; 'покрышка на скирдах, одоньях' — кал., мск., орл.; *пелéd* ярс. — *пелéd* — влгд., кстр. 'стенка овина, ухичаемая соломой и самая ухитка эта', 'окутка'; *пелédить* мск.-руз. 'ухичать, кутать, покрывать'; *пéлька* — нвг.-бор. 'детская пеленка' || нвг.-тих., 'передняя часть рубахи', 'отворот косоворотки и самая застежка', пск.; 'часть всякой одежды, закрывающая грудь', 'деревянный совок' — Даль.

²⁴ Как известно, с лингвистической точки зрения облик многих терминов русской народной медицины отражает те же номинационные процессы, которые наблюдаются в народной речи. Семантическое переосмысление в них проявляется в прозрачной внутренней форме этих терминов. Ср. такие названия, данные а) по причинам их происхождения: *озноблины*, *окорм*, *оговор*; б) по частям тела, пораженным болезнью: *горлянка*, *головник*, *маточник*; в) по времени появления болезни: *весница*, *ночник*; г) по сходству болезни с каким-либо предметом: *волос*, *хомуток*, *щетки* (Н. Ф. Высоцкий. Народная медицина. М., 1911, стр. 23).

С лингвогеографической точки зрения заслуживают внимания и те из слов рассматриваемой группы, у которых словари отмечают сложную семантическую структуру.

Широта семантического диапазона в этих случаях, по-видимому, связана с интердиалектной локализацией их. Основная семантическая идея слова получает смысловую реализацию в каждой местности по-разному, что в ряде случаев приводит к междиалектной омонимии. Ср. *подо́ба*, где *пела* — 'покрышка', 'навес'. При всем многообразии смыслов этого слова по местностям основной семантический признак — покрытие — обнаруживается легко, так же как и женская матка—своеобразное покрытие для плода.

Интересным примером семантической эволюции являются в нашем списке *закон—законовать*. Деулинская семантика его не встретилась нам ни в каких материалах. К сожалению, мы не располагаем данными, чтобы построить здесь все необходимые звенья смысловой эволюции этого слова. Представляется весьма соблазнительным связать интересующее нас значение 'определенное самочувствие женщины в период беременности, когда она повышено разборчива и даже привередлива в еде' с древним этимологом: *закон* — приставочное образование от общеславянского *конъ* 'предел, начало' из *кѣнти > чати > зачати, с органически примыкающим сюда словом *чадо*. Поскольку описанное самочувствие женщины преимущественно появляется в начале беременности, то смысловая связь здесь как бы самоочевидна. Правда, некоторое противоречие такому объяснению создает позднее суффиксальное оформление глагола *законовать*. Но такое предположение о происхождении «женского» значения слова *закон/законовать* легко сделать лишь на первый взгляд.

По данным областных словарей и картотек у слова *закон* отмечаются также значения: 'супружество', 'брачный союз', 'законный брак' яросл., перм., вятск., пен., урал., вологод.; 'муж' — воронеж. Парфенк.; 'жена' — ярослав.; *исполнять закон* — 'жить в супружестве' — ярослав.; *закон принять* — 'вступить в брак' — ярослав., воронеж., моршанск., вятск.; *законом жить* — 'жить в браке' — яросл.; *законом прикрыть* — 'жениться на обеспеченной женщине' — ярослав. (картотека СРНГ).

Близки к этим значениям многочисленные данные карточки ДРС. Сохраняясь в говорах до наших дней, оно образует вполне современные лексические словосочетания, например: *анá и закбн разбила другој*, т. е. разбила второй брак — (КПОС). Это также позволяет предположить, что *закбн/закбновать* в Деулине представляет дальнейшее семантическое развитие *закон* в значении 'супружество, брак'. Хотя денотативная связь этих смыслов не менее очевидна, чем в первом этимологическом предположении, для окончательного утверждения не хватает необходимых фактических сведений. Если они и встречаются, то как единичные. Ср. такой пример из Памятников отреченной литературы (XV в. — карточка ДРС), где употребление слова *закон* легко толковать в физиологическом значении: *аще кто въ тѣ содеетъ что скверно или со женою своею, аще и въ законѣ пребудеть, то отмстить богъ в животѣ семь вещь. Аще зачнется у него дѣтище, то будеть слѣпъ, или глушь, или глухъ или тать.*

Значение 'супружество, брак' у слова *закон—законовать* в Деулине не зафиксировано. Правда, в карточке словаря есть один пример такого диалога, связанного с выяснением смыслового наполнения слова *закон—законовать*, где все содержание текста связывается с супружеством, браком, хотя, конечно, назвать это проявлением лексического значения слова *закон — законовать*, — нельзя: *Ты вот д'ѣвка замуш н'и выхбд'иш, н'а знáиш как закбнъвъйт'.* [— Как это называется?] — *Закбн! Законъвайут'.* *Закон када душа фс'а выхбд'ит', сйис'т' ч'иво-н'ит' хбца. . . А дру҃айѣ [до родов] фс'о закбнъвът' . . . Дру҃айя и н'и закбнъвъит', и н'и знáит', шть б'ирѣм'иннѣя . . .* Вместе с тем в этих же материалах, не вошедших в словарь, остались и такие образцы карточек-цитат, из которых можно видеть разные проявления переносных трансформаций слова *закон—законовать*, что всегда, как известно, свидетельствует о семантической активности. Ср., по-видимому, эллиптическое употребление слова *законовать*: *Т'бт'и Дун'ина [дочь] д'в'е н'ид'ел'и тбка хад'ила пустайѣ, ч'ѣр'ис шес' н'ид'ел' нач'илá закбнъват' н'ѣрвай д'ѣвач'кай (2).* Здесь конструкция *глагол + тв. пад.* дает пример расширительной семантики — 'быть беременной' *кем.* и наоборот, пример конкретизации, сужения семантики: *Анá на пакбс'и закбнъвъла, бл'авáла.* В то же время, известное смысловой струк-

туре слова *закон* значение, близкое к литературному 'правило', 'порядок' (*К'бл'ь палуч'ал [пенсию по инвалидности] — закон? Н'ич'аво у н'ивб н'и атарв'ато*, вступает во взаимодействие с «женским» значением, интересующим нас, создавая определенную диффузию семантики, трудную расчленимость смыслов, что, как известно, весьма характерно для семантических закономерностей устной (разговорной) речи²⁵.

Приведенные здесь примеры только из одной тематической группы демонстрируют, насколько сложна картина жизни подлинно живого слова в народной речи и как теперь на наших глазах взаимодействуют в живом слове смыслы — отголоски далекого прошлого и самого современного настоящего.

Изучение диалектов сейчас превращается в первостепенную задачу, ибо самые языковые структуры их заметно трансформируются под воздействием нормализованного литературного языка, так что их уже можно назвать полудиалектами. Интенсивная замена слов диалектов словами литературного языка в современных говорах особенно заметна на группе лексики предметно-номинативного содержания, ибо здесь этому благоприятствует не менее интенсивная смена предметно-понятийного фонда. Трудно переоценить в этом изучении роль областных словарей, которые более чем какой-либо иной жанр лингвистического исследования обращены к содержательной стороне речи. Фактические сведения текста словаря (его словника и иллюстративного материала) очень интересны и историческими находками.

В то же время следует признать, что вышедшие в свет областные словари заметно разнятся по составу своих словников и по приемам лексикографической интерпретации слов. Алфавитный порядок расположения слов нередко затрудняет нахождение исследователем нужных ему тематически детерминированных лексем. Поэтому таким ориентиром в тематическом определении слов могли бы быть краткие сведения в предисловии к словарям, в которых содержалась бы характеристика тематической направленности словника издания. Заслуживает внима-

²⁵ Т. С. Коготкова. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. «Славянская лексикология и лексикография». М., 1966.

ния опыт «Диалектного словаря личности» В. П. Тимофеева, приложением к которому является идеографический индекс, распределяющий весь словник словаря по предметно-тематическим группам.

Сложное и трудоемкое дело — составление областных словарей — именно поэтому должно быть четко продумано. Работы по созданию диалектных словарей, словарей устно-разговорной формы народной речи, не может обойтись без учета таких необходимых звеньев ее, как натуральность, естественность общения между наблюдателем диалектной лексики и его информантами, как взаимная психологическая контактность и осведомленность составителя в предмете разговора. Все это предопределяет фиксацию слова или определенной группы слов, что в итоге увеличивает истинную ценность областного словаря, превращает его в особенно содержательный лингвистический источник.